

**ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ И ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО
В ДИАЛОГЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР**

Н. С. Мосийчук

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Поступила в редакцию 17 июня 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются взгляды двух выдающихся философов на вопрос о сущности культуры. Выделены основные понятия, раскрывающие подход Г. С. Сковороды и Г. В. Флоровского к проблеме роли смысла в культуре, проведено сопоставление интерпретации «широкого» и «узкого» понимания культуры в «раннем» и «позднем» вариантах просветительской традиции отечественной и мировой философии. Обозначены общие и различные в моделях культурного диалога, обоснован вывод о значении наследия Г. С. Сковороды и Г. В. Флоровского в современном диалоге славянских культур.

Ключевые слова: глобализация, Просвещение, культура, диалог культур, Г. С. Сковорода, Г. В. Флоровский, роль смысла в культуре.

Abstract: the article analyzes two prominent philosophers' views on culture essence issue. Basic notions showing G. Skovoroda's and G. Florovsky's approaches to meaning role in culture are pointed out, comparison of «wide» and «narrow» understanding of culture in «earlier» and «late» variants of domestic and world education philosophical traditions is made. Common and different features in cultural dialogue patterns are pointed out, a conclusion about importance of G. Skovoroda's and G. Florovsky's heritage for modern Slavic cultures dialogue is substantiated.

Key words: globalization, Enlightenment, culture, Gregory Skovoroda, Georges Florovsky, meaning role in culture.

В век глобализации, смешения языков и культур – на фоне мощных тенденций глокализации, противопоставляющей народы и культуры, – важную роль приобретают апробированные модели диалога, способные учитывать культурные различия и вместе с тем максимально дистанцироваться от взаимной «глухоты». Одну из наиболее апробированных (хотя далеко не идеальных) теоретических моделей такого рода создала эпоха европейского Просвещения – времени, когда основание договоренностей искали в единстве человеческого разума. Этот импульс, основанный на поиске взаимного признания рационально обоснованного интереса [1] и понимания роли «нематериальных факторов» в международных отношениях [2], к счастью, не угас по сей день. Тем интереснее проследить специфику той формы рациональности, которая была найдена Просвещением как широкая интеллектуальная матрица, вобравшая в себя разнообразие интерпретаций при четкой установке на уважение

свободного человеческого разума. Свободного, т. е. ориентированного на Логос, иначе говоря, Смысл (Истину, Добро и Красоту, тождественные в абсолютном смысле). Причем, согласно точке зрения просветителей, истина в равной мере открыта каждому человеку, если он готов сделать определенные усилия, а именно учиться и «образовываться».

Не секрет, что в настоящее время идеи Просвещения подвергаются серьезной и часто справедливой критике. Например, сторонники теории «непрозрачности» культур видят в них обоснование попыток унификации, губительной для культурного разнообразия. В то же время можно с уверенностью утверждать, что и сегодня идейный потенциал Просвещения не исчерпал себя полностью. Как минимум потому, что в современном обществе всё еще велика роль образования, а роль науки даже возрастает.

Стремление выделить конкретные пути, позволяющие народам вступать в наименее травматичный и вместе с тем плодотворный диалог в рамках просветительских моделей взаимодействия культур, определило необходимость обращения к трудам таких представителей эпохи Просвещения, как Григорий Саввич Сковорода (1722–1794, Новое время, апогей Просвещения) и Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979, Новейшее время, излет просветительского проекта). Сопоставление основных вех их жизни и творчества позволяет проследить опорные точки просветительской модели в их экстремумах, попытаться понять, какие именно установки Просвещения оказались наиболее перспективны для диалога культур, в частности культур славянских.

Выбор данных персоналий обусловлен, *во-первых*, их принадлежностью к общеславянскому культурному пространству в контексте его «внутреннего» (в рамках различных славянских народов российской империи) и «внешнего» (международного) взаимодействия. Оба не понаслышке знали жизнь в столичных городах и одновременно городах юга России (территория современной Украины). Для Сковороды таким городом были Киев и Харьков, для Флоровского – Одесса. Имеются также данные о том, что Г. С. Сковорода между 1745 и 1750 гг. путешествовал по Европе с руководителем российской дипломатической миссии Ф. С. Вишневым. В свою очередь, Г. В. Флоровский в 1920 г. был вынужден отправиться в эмиграцию, долгое время жил и работал в Европе (вначале – в Болгарии, затем были такие европейские города, как Прага, Париж, Белград и др.) и США (вначале – в Нью-Йорке, затем – в Гарварде и Принстоне).

Во-вторых, оба философа реализовали в своих философских поисках глубочайший исследовательский интерес к истокам европейской культуры. Сковорода свободно читал и писал на латыни, древнегреческом, древнееврейском; знал немецкий, польский, венгерский; свои произведения писал на современных ему русском и малороссийском («народном наречии») языках. Флоровский писал на латыни, древнегреческом, древнееврейском (а также на европейских языках – английском, французском, немецком).

В-третьих, оба философа, хотя и в разное время, предложили собственную модель культурного диалога, учитывающего «вектор Смысла» (Логоса). Их рассуждения о культуре с разных сторон решали задачу обнаружения взаимодействия Логоса и «естественного разума». Рассмотрение под этим углом зрения процессов, происходивших в славянских культурах, нашло отражение в трудах каждого из них. Для Сковороды был важен вопрос о соотношении Логоса, языка понимания и народного языка («учение о трех мирах»); для Флоровского большое значение имела принадлежность к кругу евразийцев, а затем отказ от этой позиции и острая критика ориентации на вторжение в духовное пространство христианской культуры иных духовных реалий, чем те, которые были завещаны отцами.

Для понимания культурологических акцентов философских воззрений Сковороды и Флоровского немаловажен и тот факт, что оба они по рождению были связаны с духовным сословием, т. е. хорошо знали образ жизни русского духовенства; в любых испытаниях, оставаясь реалистами, не утратили веры и полагали культурой духовно состоятельный образ жизни [3, с. 289].

Вопрос о Логосе в трудах Г. С. Сковороды тесно связан с осмыслением роли символов и раскрыт прежде всего в учении «о трех мирах». «Три мира» – это, во-первых, макрокосм, Вселенная; во-вторых, микрокосм, человек; и, в-третьих, мир символов, состоящий из Библии, античной мифологии и славянского фольклора [4, с. 137]. Обращает на себя внимание тот факт, что символический мир составлен как бы из «половинок»: с одной стороны, Логос, раскрытый в библейском тексте, с другой – интерпретативные усилия «внятных» народов, создавших учения о Смысле в проработанном и выразительном языке. Древние греки выступают здесь для Сковороды первыми и в какой-то мере образцовыми интерпретаторами. Однако без усилий, связанных с освоением живых смыслов родного языка, говорить о понимании не приходится: родное наречие открывает возможность понимания смысла через заданную культурой систему «опознавательных знаков».

Свойство, важное для распознавания подобных знаков, заложено в человеческой природе и называется «сродность». Сродность, согласно Сковороде, софийна [5, с. 94] и представляет собой стремление всего существующего к своей идее, идеальному образцу, реализуемое через причастность образу (Логосу) [6, с. 120].

Именно образование в широком смысле [7], как поиск своего места в мире, – главная задача человека, цель его Просвещения. Такое место по определению должно быть подлинным, отвечающим наклонностям, а не связанным с ним престижу или материальным благам [8]. Обретение такого места объединяет разных людей в свете поиска Истины. Различия, которые есть между ними, в этом случае не ставят их в отношения конфронтации, но становятся условием диалога. Ориентация на ложь, стремление к самоутверждению демонстративными (и пустыми по сути) методами ведет к разделению, противостоянию, одиночеству [9, с. 47; 10].

Сковорода, «первый самостоятельный философ на Руси» [11] оказывается тем самым в числе основоположников оригинальной версии прочтения «имперской» идеи [12]: она для него связана с единством православного народа, соединенного многоуровневым языком символов [13–14] и их интерпретации [15–16]. Такое единство предполагает свободное сотрудничество и лишено смысла всякий раз, когда вместо работы со смыслом имеет место симуляция деятельности, пусть даже под самым благовидным предлогом [17].

Импульс Просвещения, присутствующий в сочинениях Г. Флоровского, проявляется в его определении культуры как «надбиологического» [18, с. 102] уровня существования, который «вторичен по отношению к более высокому онтологическому уровню и **определяется** духовным строем, раскрывающим свободу человека через его отношения с Богом» [19, с. 282]. Онтологический уровень, т. е. уровень смысла, присутствует как ориентация человека, влекущая его к Логосу, Богу Слова. Однако, по мысли Флоровского, этот путь, проходящий на Земле как путь культуры [20], сопряжен с искушениями, главное из которых – остановка внутреннего движения, растворение в одном из полюсов материальности, «избыточном» или «недостаточном». И, соответственно, погружение в нигилизм или спиритуализм. Поиск «золотой середины» между духовным и материальным – сердцевина православной культуры, ее задача и призвание [3, с. 288–289].

И в теории и жизненной практике Флоровский стремился совместить церковный религиозно-аскетический идеал с идеалом научного познания.

Жизнь распорядилась так, что заниматься спокойной научной деятельностью на родине Флоровскому не пришлось. Как и многих, его ждала эмиграция, где одной из главных тем его творчества стало осмысление вселенской роли православия и так называемый неопатристический синтез [об оценке обобщающих исследований русской философии в XX в. см.: 21], рассмотренный в общем контексте духовной культуры, не только отечественной, но и европейской.

Другой важной чертой методологии Флоровского является подчеркивание идейной близости европейской и русской философской мысли. Россия рассматривается им в качестве участника синхронно развивавшегося в рамках романтизма диалога немецкой и русской культур в первую половину XIX в. Постановка национальной проблематики в повестку дня русского романтизма была общей с романтизмом европейским [22, с. 363–364]. А это еще раз дает основания говорить об универсальности модели Просвещения как интеллектуальной матрицы в поиске основания для плодотворного диалога людей разных культур и национальностей, когда общение основано на взаимном уважении и принятии человеческого разума как основы для поиска Смысла.

В письме Сувчинскому от 3–4 апреля 1923 г. Флоровский обращается к своему корреспонденту в форме проповеди: «Бога надо любить <...> больше Земной Родины <...> А не наоборот», – и далее: «Путь к Святой

Руси лежит через патриотическое самоотречение во имя того Вселенского Православия, которое земно явилось в Византии и на Руси» [23, с. 225]. Об этом же он ведет речь на торжественном открытии Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Нью-Йорке в 1948 г.: «Православие... это не местное предание, но в основе своей Предание экуменическое, вселенское» [24].

При этом оба философа уклоняются от «голового» рационализма, выражаясь словами Флоровского, «рациональной прозрачности космического процесса» [25, с. 64].

Как отмечает А. В. Посадский, в этом – шаг к преодолению «рационалистической ограниченности религиозного сознания посредством развития христианской персоналистической философии истории и гносеологии» [26, с. 82].

Итак, устремленность к Логосу оба философа интерпретируют одновременно как устремленность к Богу, Истине, питающей честного и трудолюбивого человека на пути к исполнению своего призвания, предназначения в мире. Общий импульс Нового времени, допускающий возможность Царства Божия на Земле, просматривается в этом рассуждении очень отчетливо.

Характерно и совпадение оценок уклонения от Истины как потери своего места, связанной с неразумением. Разум человека, таким образом, способен открыть ему глаза на то, в какой стороне искать Истину. Однако «позднее» прочтение этой мысли у Флоровского отличает более сильный акцент на «вязкости» материального мира, его способности поглотить те импульсы Истины, Добра и Красоты, которые ведут человека из своей природной и духовной ограниченности в пространство диалога с другом перед лицом Бога. Впрочем, здесь можно найти след автоэпитафии Сквороды: «Мир ловил меня, но не поймал».

Многие идеи Г. С. Сквороды и Г. В. Флоровского в качестве специфического феномена культуры интересны и актуальны в наши дни. Важно и то, что философы не просто отстаивали свое мировидение, но и воплощали его в жизнь, следуя избранным принципам «отношений с Логосом». Оба автора, обсуждая проблематику диалога культур, с уважением и пониманием относились к идее славянского единства, оставаясь при этом глубоко народными и одновременно глубоко национальными по сути своих изысканий. Их интерес к духовной аксиоматике русской, украинской и мировой культуры позволяет говорить о специфическом решении ими проблемы общего, особенного и единичного применительно к актуальным процессам политического развития, проблеме самоидентификации народа и личности, теме национального единства.

Проблемы, которые ставили и решали Г. С. Скворода и Г. В. Флоровский применительно к вопросу о диалоге славянских культур, имеют прямое отношение к современности, с ее поисками духовности, природосообразности, нравственного воспитания. Всё это свидетельствует об их актуальности, позволяющей по-новому взглянуть на современный диалог культур, в том числе славянских, в условиях «новой реальности» [27].

Помимо теоретических предпосылок, обоснованных философией Просвещения, можно указать на ценность уважительного отношения к соседским культурам, существующую в народном сознании (в том числе у славянских народов).

Философия, являясь «самосознанием культур», выступает рефлексией по поводу такого способа. Тем самым раскрывается принципиальная возможность рационально обоснованного диалога культур и создаются условия для подобного диалога. Стоит подчеркнуть, что на основе просветительской модели культуры, полагающей, что в основе мироздания лежит разум и этот разум един, подобный диалог возможен и даже необходим. В том числе для установления партнерских отношений между разными народами. Отношений, преодолевающих взаимное непонимание и моменты исторического неприятия друг друга.

Литература

1. Симония Н. А. Глобализация, структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность / Н. А. Симония, А. В. Торкунов. – М. : Ред. журн. «Междунар. жизнь», 2013. – 88 с.
2. Глаголев В. С. Нематериальные факторы в международных отношениях / В. С. Глаголев // Современная наука о международных отношениях за рубежом : хрестоматия : в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова. – М. : НП РСМД, 2015. – Т. 1. – С. 10–18.
3. Флоровский Г. В. Метафизические предпосылки утопизма / Г. В. Флоровский // Из прошлого русской мысли. – М. : Аграф, 1998. – С. 288–289.
4. Сковорода Григорій. Діалог. Ім'я йому – Потоп зміїн / Григорій Сковорода // Повнезібрання творів : у 2 т. – К., 1973. – Т. 2. – С. 135–173.
5. Сковорода Григорій. Разговор о премудрости / Григорій Сковорода // Повнезібрання творів : у 2 т. – К., 1973. – Т. 1. – С. 94–95.
6. Сковорода Григорій. Басни Харьковскія / Григорій Сковорода // Повнезібрання творів : у 2 т. – К., 1973. – Т. 1. – С. 107–135.
7. Чернышова А. Н. Гуманистическая направленность философской концепции Г. С. Сковороды / А. Н. Чернышова, М. В. Воропаева // Філософсько-етична спадщина Г. С. Сковороди і духовний світ сучасної людини : Доповіді і повідомлення наукової конференції (Донецьк, ДонНТУ, 21–22 листопада 2007 року). – Донецьк, 2007. – С. 161–164.
8. Силантьева М. В. Истоки философии творчества в русской мысли : тема «охоты» в сочинениях Г. С. Сковороды / М. В. Силантьева // Философия и искусство : материалы IV Междунар. конф. / отв. ред. Т. П. Заборских. – М. : РАМ им. Гнесиных, 2015. – С. 256–264.
9. Силантьева М. В. Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании / М. В. Силантьева. – М. : МГИМО, 2006.
10. Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов / М. В. Силантьева, А. В. Шестопал // Ресурсы модернизации : возможности и пределы международного контекста : материалы VII Конвента РАМИ (Москва, 28–29 сентября 2012 г.). – М. : Аспект, 2012. – С. 204–211.

11. Лосев А. Ф. Г. С. Сковорода в истории русской культуры / А. Ф. Лосев // Лосевские чтения : материалы науч.-теорет. конф. – Ростов н/Д., 2003. – С. 3–8. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/skovor.php
12. Силантьева М. В. Русский язык в «имперском» формате : «золотой век» русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности / М. В. Силантьева // Русское культурное пространство : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 17 апреля 2014 г.). – М. : Перо, 2014. – С. 62–67.
13. Варава В. В. От Сковороды до Эрнэ : контroversы русской религиозной философии / В. В. Варава // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 20 (217). – С. 11–14.
14. Мельников П. И. О лингвостилистической природе понятийной образности в философских диалогах Григория Сковороды / П. И. Мельников // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2008. – № 1–1. – С. 66–74.
15. Йосипенко С. Л. Философия Григория Сковороды и национальные философские традиции / С. Л. Йосипенко // Соловьевские исследования. – 2014. – № 4 (44). – С. 141–155.
16. Суханова С. Ю. Философско-поэтическое переживание мира как элемент славянского художественного сознания : Сковорода и Драгомощенко / С. Ю. Суханова, П. А. Цыпилёва // Русин. – 2015. – № 3 (41). – С. 144–152.
17. Сковорода Григорій. Убогий жайворонок / Григорій Сковорода // Повнезібрання творів : у 2 т. – К., 1973. – Т. 2. – С. 119–134.
18. Флоровский Г. В. О народах не-исторических / Г. В. Флоровский // Из прошлого русской мысли. – М. : Аграф, 1998. – С. 102.
19. Силантьева М. В. Два ответа на «вызовы времени» : философия культуры Г. В. Флоровского и Н. А. Бердяева / М. В. Силантьева // Георгий Васильевич Флоровский / под ред. А. В. Черняева. – М. : Полит. энцикл., 2014. – С. 277–298.
20. Флоровский Г. В. Вера и культура / Г. В. Флоровский – URL: <http://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-27>
21. Емельянов Б. В. Историография русской философии / Б. В. Емельянов // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. – М., 2007. – С. 216–219.
22. Маслин М. А. Историко-философское наследие Г. В. Флоровского и его значение для духовной культуры России / М. А. Маслин // Георгий Васильевич Флоровский / под ред. А. В. Черняева. – М. : Полит. энцикл., 2014. – С. 358–380.
23. Письма Г. В. Флоровского к П. П. Сувчинскому / Публикация М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 2011–2012. – Т. XXXVII. – С. 200–228.
24. Протоиерей Георгий Флоровский // Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 688 с.
25. Флоровский Г. В. Смысл истории и смысл жизни / Г. В. Флоровский // Русская мысль. – 1921. – № 9. – URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-29> С. 64

26. Посадский А. В. Божественная премудрость и человеческий разум в философском наследии Г. В. Флоровского / А. В. Посадский // Труды С.-Петербург. гос. ин-та культуры. – 2009. – Т. 184. – С. 78–90.

27. Торкунов А. В. Международные отношения в посткризисном мире : взгляд из России / А. В. Торкунов // Вестник МГИМО–Университета. – 2013. – № 3 (30). – С. 7–11.

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

*Мосийчук Н. С., аспирантка кафедры философии имени А. Ф. Шишкина
E-mail: kfmgimo@gmail.com*

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

*Mosiychuck N. S., Post-graduate Student of the Philosophy Department named after A. F. Shishkin
E-mail: kfmgimo@gmail.com*

Н. С. Мосийчук. Философское наследие Григория Сковороды...